

разве похороны будут побогаче да гостей созовут побольше, а богу не все ли равно!

– Удались от зла и сотвори благо, – говорил поп попадье, – нечего нам здесь оставаться. Не твоя беда, чем бы дело ни кончилось. – Попадья что-то отвечала, но Владимир не мог ее расслышать.

Таким образом, в художественном пространстве пушкинской прозы ФЕ церковнославянского и старославянского происхождения выполняют следующие стилистические функции: являются средством речевой характеристики героев, передают внутреннее состояние героев и передают их эмоционально-экспрессивное состояние, используются как средство стилизации народной речи, переходят в разряд междометных единиц, расширяя тем самым стилистические возможности книжной единицы для передачи чувств и эмоций героев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Войлова К.А. Судьба просторечия в русском языке: Монография. – М., 2000.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М., 2008.
3. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Проза. – М., 1986.

4. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. – 1977-1979.
5. Казин А.Л. Последнее царство. Русская православная цивилизация. – СПб., 1998.
6. Войлова К.А. А.С. Пушкин: соотношение объективного и субъективного в языке и стиле. – М., 2007.
7. Виноградов В.В. А.С. Пушкин – основоположник русского литературного языка. – М., 1949.
8. Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960-1990. «Евгений Онегин». Комментарии. – СПб., 1998.

T. Stepanenkova

THE STYLISTIC FUNCTIONS OF THE OLD SLAVONIC AND CHURCH SLAVONIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN A. PUSHKIN'S PROSE

Abstract: The article considers the peculiarity of the stylistic use of the church Slavonic and Old Slavonic phraseological units in A. Pushkin's prose. Here are presented and illustrated the distinctive features of the phraseological units with the emotive-expressive character.

Key words: church Slavonic/ Old Slavonic phraseological unit, stylistic field, emotive-expressive phraseological units, stylistic function, transformation of phraseological units.

УДК 81'373

Таратинская Л.А.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЛЕКСЕМЫ «МАЛЕНЬКИЙ» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»*

Аннотация: В статье проанализированы лексико-семантические варианты лексемы «маленький», их изобразительные функции в тексте романа Достоевского «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: лексема, изобразительные функции, художественная манера.

В текстах произведений Ф. М. Достоевского обращают на себя внимания слова, особые «словечки» и некоторые приемы сочетания слов, обнаруживающие яркие специфические черты художественной манеры Достоевского, а также «стилистические ходы», несущие особую функциональную нагрузку. Объектом исследования становятся отдельные слова; ср., напр., анализ изобразитель-

ных возможностей лексем «чёрт», «страх», «хвост» в работе «Поэтика портрета в романах Достоевского» Г. С. Сырица [1]. В данной статье будут рассмотрены изобразительные функции слова «маленький» в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

В толковых словарях современного русского языка представлены следующие толкования лексемы «маленький»; ср.: «Словарь русского языка» С.И. Ожегова (СО): **МАЛЕНЬКИЙ**. 1. Небольшой по размерам, по количеству. 2. Незначительный, ничтожный. 3. Малолетний [2] (ср. также: «Словарь русского языка» / Гл. ред. А.П. Евгеньева (МАС): **МАЛЕНЬКИЙ**. 1. Незначительный по величине, размерам *противоп.* большой. // Невысокого роста. // Кроткий, немногословный. // Небольшой по количеству, немногочисленный. 2. Незначительный по силе, по степени

* © Таратинская Л.А.

проявления. // *разг.* Не имеющий существенного значения. 3. Занимающий невысокое общественное положение. // Напоминающий лишь в малой степени, весьма отдаленно (какими-либо качествами, характером манерой поведения и т. п.) лицо, действительно значительное, важное. 4. Малолетний [3]).

Анализ языка романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» показал, что из 78 употреблений лексемы *маленький* доминирующим является первый лексико-семантический вариант (**ЛСВ 1** ‘незначительный по величине, размерам, *противоп.* большой’) – 31 пример. Как правило, прилагательное *маленький* употребляется с именами существительными с уменьшительно-ласкательным значением при описании быта героев; ср.: *Алеша машинально принял маленький розовый конверт-ИК и сунул его, почти не осознавая, в карман...; Это была очень маленькая комната-К-а с необходимою мебелью...; Это была маленькая комнат-К-а, вся разделенная поперек красными ширм-ОЧК-ами* [4]. Для чего же нужна Достоевскому лексема *маленький* при описании быта? Представляется, для того, чтобы показать тесноту, сжатость пространства, в котором находятся, в котором живут герои романа. Кстати, эффект сжатости может также достигаться заполненностью пространства или его чрезмерным членением; напр., множество ширмочек, перегородок, дверей находится в домах Федора Павловича Карамазова. Духовное движение героев романа отражает преодоление «сжатости», тесноты, уединения, «устремлённость» героев к простору. Та же динамика наблюдается и во «внешней стороне» (в быте) романа, поскольку «пограничными вехами» является *маленькая, тесная* келья, в которой разразился семейный скандал, и противопоставленный этой келье простор – «*место пустынное и прекрасное*» за чертой города, где Алеша произносит речь у камня; ср.: *А мы с ним каждый вечер гулять ходили... от самой нашей калитки до вон того камня больш-УЩ-его, который вон там на дороге сиротой лежит у плетня и где выгон городской начинается место пустынное и прекрасное.* Предлоги *от* и *до* являются в данном контексте средством ограниченности, предельности, замкнутости пространства.

Изображая келью Зосимы, Ф.М. Достоевский дважды употребляет лексему *маленький*; ср.: *маленькая лампадка, дешевые маленькие настенные часы.* При этом для того чтобы показать маленький размер мебели в келье, Достоевский использует имена

существительные в форме субъективной оценки (*диванчик, лампадка, херувимчики, фарфоровые яички, гирьки* и др.); ср.: *Перед большой иконой теплилась лампадка. Затем около них деланные херувимчики, фарфоровые яички...* Но в этом маленьком и тесном пространстве, однако, много икон, и одна икона Богородицы даже «огромного размера».

Сравнивая маленькую, тесную келью Зосимы и залу Федора Павловича Карамазова, которая являлась самой большой комнатой в доме, замечаем, что у Зосимы в *маленькой* комнатке помещены огромные иконы, а у Федора Павловича в огромной зале стоят несколько *маленьких* икон. Достоевский подчёркивает, что для спасения души из «тесноты жизни» необходимо духовное движение. И символом этого движения является икона, символизирующая веру в светлое будущее, которое неизменно наступит после очищения души. И если у Зосимы лампадка всегда «теплилась», то у Карамазова она «*зажигалась на ночь*», что говорит об отсутствии духовного движения Федора Павловича, его нежелания встать на путь очищения и покаяния. Роковая гордыня Федора Павловича получает в его потрясающе дерзких, жестоких словах: ... *Смотри же, ты его за чудотворный считаешь, а я вот сейчас на него при тебе плюну, и мне ничего за это не будет...*

Вместо больших икон в комнате Федора Павловича стоят зеркала далеко не маленьких размеров. По мифологизированным представлениям, зеркало – предмет, созданный дьяволом, устанавливающий границу между земным и потусторонним миром, место встреч с нечистой силой. Зеркало создает мир отражений, двойников, это атрибут гордыни, суеты и распутства [5].

Зеркало у Достоевского является также и предметом самопознания героев. Именно в зеркале разглядывает старик Карамазов следы побоев; ср.: ... *Подошел к зеркалу в простенке, правую рукой приподнял немного красную повязку со лба...* Если у старика Карамазова зеркала большие, то у Алеши «*маленькое складное зеркальце*». Это определение символизирует и нравственную чистоту этого героя, и его *складную* внешность и кроткий характер; ср.: **СКЛАДНОЙ** ‘Такой, который можно складывать, благодаря подвижному соединению частей’ и **СКЛАДНЫЙ** ‘*Разг.* Хорошо сложенный, статный, стройный’ [6].

Маленьким сделал Достоевский и городок, в котором происходит действие романа:

Скотопригоньевск списан с реальной Старой Руссы, где Достоевский подолгу задерживался в последние годы жизни [7].

А при описании Грушеньки не было зафиксировано ни одного употребления данной лексемы. Это указывает на то, что быт Грушеньки сходен с ее широкой натурой.

В романе было обнаружено 24 случая употребления лексемы *маленький* во втором значении (**ЛСВ 2** ‘незначительный, ничтожный’); преобладающее большинство из них соотносены с образами Федора Павловича Карамазова и Смердякова; ср., напр.: ... *Федор Павлович, например, начал почти что ни с чем, помещик он был самый маленький...*; ... *Но на Федора Павловича этот маленький эпизод тоже произвел свое действие, и очень оригинальное...* и др. Есть мнение, что образ Федора Павловича во многом списан с отца Достоевского [8], писатель дал этому герою свое имя. Можно предположить, что писателю приходилось бороться с теми же страстями, которые, в конечном счете, погубили Карамазова-старшего. Достоевский глубоко исследует проблему сладострастия, которое переходит в разврат. Царство карамазовщины есть царство разврата и сладострастия, потерявшего свою чистоту и цельность. В Федоре Павловиче Карамазове безвозвратно утрачена возможность возрождения; Федор Павлович – развратник, ибо ему требуется не только удовлетворить собственное грязное влечение, но еще и причинять страдание своему партнеру, а главное, получить удовольствие от того, что он в удовлетворении своей страсти преступает законы Божьи и человеческие. Всю отвратительность природы Федора Павловича отражает его поведение в монастыре, где он оскверняет святыне образа и церковь, отрицая существование Бога. Федор Павлович – некоторый парадокс: пакостный и развратный, он в то же время прекрасно знает, с какой стороны хлеб намазан маслом. Внешность его – внешность юродивого, но суть – паясничавшего безобразника. Он из тех героев, «... которые погрузились в огненное озеро так, что уж и выплыть более не могут...», из тех, «... что уж и Бог забыл...» (так говорит про Федора Павловича Грушенька). Р.-Л. Джексон пишет по этому поводу: «Причина смерти Федора Павловича Карамазова в том, что он нарушил священные человеческие, нравственные и духовные нормы» [9].

Так же, как и Федор Павлович, преступает человеческие и Божеские законы и Смердяков. Законы повседневной жизни сняты с него. Он убивает отца, доказывая на

практике тезис, что все дозволено. Смердяков не может, не мог бы возродиться, ибо для этого он слишком слаб и не способен к такому подвигу. Он все время пытается избежать ответственности за убийство, но когда чувствует, что это невозможно, решается на самоубийство.

Старик Карамазов и Смердяков воплощают гниль и разложение барской, дворянской и крепостнической среды. Именно поэтому лексема *маленький* в значении ‘ничтожный’ используется при описании этих персонажей.

Действия всех братьев Карамазовых соотносены не только с главным событием – отцеубийством, но и с судьбой *маленького* мученика Илюши. В романе зафиксировано 23 случая употребления лексемы *маленький* в третьем значении (**ЛСВ 3** ‘малолетний’). Ближе всех к детям оказывается Алеша. Его близость к детям и в физическом, и нравственном смысле служит самым ярким примером того, что «... *любить пассивно он не мог; возлюбив, он тотчас же принимался и помогать*». Несмотря на детскость характера, Алеша, вникая в чужую внутреннюю жизнь, остается тверд и самостоятелен.

При описании внешности «*маленького*» друга Алеши – Коли Красоткина – лексема употребляется дважды; ср.: *губы маленькие, нос маленький*; Коля разглядывает себя в зеркале и отходит от него с негодованием. Но не случайно Достоевский указывает точный возраст – мальчик тринадцати лет; соотносённый с фразеологизмом *чертова дюжина* – тринадцать (в суеверном представлении – несчастливое число), поддержанный контекстными связями; ср.: ... *В это самолюбие воплотился черт и залез во все поколение*.

Что касается Мити Карамазова, то его отношение к страдающим маленьким детям имеет двойственное значение. С одной стороны, он сам выступает в качестве мучителя ребенка, когда грубо оскорбляет Снегирева, и этим он затрагивает чувствительную душу Илюши. С другой стороны – он думает о «*маленьком*» Илюшечке, об его слезах, а в результате ему снится сон о том, как плачет «*дитё*», как оно несчастно. И в этом смысле сон Дмитрия имеет отношение к Илюшечке. Этот сон для Мити является переломным моментом его нравственного возрождения, он сознает свою причастность к судьбе невинных детей и уже не может смотреть на них, как прежде. Достоевский определенно наделил Дмитрия характером ребенка. Слова «*ребенок*» и «*похожий на ребенка*» часто встречаются при описании

природы Дмитрия и его поведению. Как и всё в Дмитриии, «детскость» – основная черта его характера, имеет очень противоречивое значение. Открытость, искренность, кротость (когда он кроток) Дмитрия, чистота – всё это связано с его странно безыскусным, наивным детским свойством характера. Но, похожий на ребенка, в действительности Дмитрий не ребенок, и он живет не в детском мире. Зло, совершаемое взрослым человеком, мужчиной, в угоду своим прихотям, – это беззаконие [10].

Таковы общие наблюдения над изобразительными функциями лексемы *маленький* в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Язык нашептывал Достоевскому любимые слова и словечки, разбрызгивал знаки неопределенности, расширяющие семантическое пространство текста. Язык подсказывал ему излюбленные конструкции для описания действий и поведения человека [11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сырица Г.С. Поэтика портрета в романах Достоевского. – М., 2007. – С. 34.
2. (СО) Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.,

2004. – С. 429.

3. (МАС) Словарь русского языка: в 4-х т./ Гл. ред. А.П. Евгеньева. – М., 1983. – Т. II. – К – О. – С. 218.
4. Здесь и далее цитируется по: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М., 2004.
5. Сырица Г.С. Указ. раб. – С. 169.
6. МАС. – М., 1983. – Т. IV. – П – У. – С. 109.
7. Соколов Б.В. Расшифрованный Достоевский. – М., 2007. – С. 45.
8. Там же. – С. 78.
9. Джексон Р. – Л. Искусство Достоевского. – М., 1998. – С. 123.
10. Бартсотти Д.Е. Достоевский: Христос – страсть жизни / Пер. Л. Харитоновна. – М., 1999. – С. 59.
11. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972. – С. 156.

L. Taratinskaya

DESCRIPTIVE FUNCTIONS OF LEXEM «LITTLE» IN THE NOVEL BY FEODOR DOSTOEVSKY «KARAMAZOV'S BROTHERS»

Abstract: In this article there were represented lexical-semantic variants of lexem «little», their descriptive functions in the text of the novel by Dostoevsky.

Key words: lexem, descriptive functions, literary style.

УДК 811.161.1-373.222

Томова У.А.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАИМЕНОВАНИЯ СВИНЬИ В СКАЗКАХ (ПО СБОРНИКУ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК ПОД РЕДАКЦИЕЙ А.Н. АФАНАСЬЕВА, С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ НЕМЕЦКИХ СКАЗОК)*

Аннотация. Рассматриваются способы наименования домашнего животного свиньи в русских народных сказках с точки зрения этимологии и символики наименований, взаимосвязи этимологического значения слова 'свинья' и символической роли животного, выполняемой им в представлении народа. Доказывается мотивированность символического значения и этимологического значения.

Ключевые слова: этимология, наименование, слово, символическая роль, сказка, свинья, плодородность.

Наряду с лошадьми, коровами, козами и овцами восточные славяне занимались разведением свиней. Историки полагают, что одомашнили дикую свинью, бесспорно, земледельческие народы. Во всяком случае, уче-

ным не известно ни одно первобытное племя, которое не знало бы земледелия, но разводило свиней. Для одомашнивания свиньи, как, вероятно, и большинства других животных, требовались оседлость и достаточно устроенный быт. Появление свиней в хозяйстве славян связано с развитием земледелия. В большинстве мест свинья особым почтением не славилась. Причиной тому является всеобщая убежденность в нечистоплотности этого животного, связанная с его всеядностью. Свинья символизирует ненасытность, эгоизм, похоть, упрямство, невежество, но и материнство, плодовитость, процветание и удачу. Позитивное отношение к свиньям в большинстве мифов контрастирует с их в основном отрицательной символикой в мировых религиозных традициях. В древности свиньи почитались как символ плодовитости

* © Томова У.А.